

Юй Шаочунь только-только вбежал в учебный корпус, бережно неся Фэн Чжоу на спине, как тот глухо пробормотал ему на ухо:

— Не надо в медпункт.

Перед глазами Юй Шаочуня тут же пронеслась картина их прошлой стычки: как Фэн Чжоу после хорошей взбучки железным тоном гнал его к врачу. «О, сладкий миг расплаты!» — подумал Шаочунь. Шлепнув парня ладонью по спине, он с нескрываемым злорадством протянул:

— Ну уж нет, дорогуша. В медпункт — значит в медпункт. Без вариантов.

Фэн Чжоу, прерывисто дыша, забился на его спине, пытаясь высвободиться:

— Пусти, говорю! Ты русский язык вообще понимаешь?

— И чего мы лаем? — Юй Шаочунь только крепче перехватил его под бедра. — Значит, тебе командовать можно, а мне нельзя? Отличник Фэн, делать человеку замечания, а самому вести себя так же — нехорошо.

Фэн Чжоу на секунду затих, а затем выдавил:

— Сначала опусти меня на землю.

— Не опущу.

— Опusti.

— Не опу... Ай! Твою мать, ты чего кусаешься?!

Юй Шаочунь с шипением отдернул руки, поспешно выпуская этого кусачего зверя из захвата. Едва оказавшись на ногах, Фэн Чжоу согнулся пополам. Его плечи содрогнулись в судорожном спазме, послышался глухой, мучительный сухой кашель — парня снова начало выворачивать наизнанку.

Юй Шаочунь брезгливо наморщился, глядя на эти мучения:

— Слышь, тебя так полощет, будто ты на третьем месяце. Токсикоз замучил?

Фэн Чжоу смерил его испепеляющим взглядом.

— Да я тебя...

Он зажмурился, пытаясь унять головокружение, тяжело выдохнул и снова поднял голову:

— Ладно. Я объясню, в чем дело. Но с одним условием: это останется строго между нами.

Юй Шаочунь закивал с таким восторгом, будто ему сейчас собирались слить самый горячий компромат года:

— Да понял я, понял! Выкладывай давай!

— Поклянись, — потребовал Фэн Чжоу.

— И это говорит убежденный материалист? Откуда вдруг такая вера в мистические ритуалы?

— Шаочунь усмехнулся, но послушно вскинул правую ладонь. — Ладно, клянусь великим рандомом, что могила. А если проболтаюсь — пусть мне вовек не видать первого места и до самого выпуска суждено мне оставаться Вечным вторым.

Фэн Чжоу скептически выгнул бровь:

— Но ты и так выше второго места никогда не поднимаешься. В чем смысл клятвы?

— Слышь, Чжоу-бао, — с неподдельной искренностью в голосе отозвался Юй Шаочунь, — ты сам-то понимаешь, какая ты ядовитая тварь?

Фэн Чжоу шумно вздохнул и без сил опустился на корточки прямо у ступеней.

— На самом деле... у меня демофобия. Боязнь толпы.

Шаочунь озадаченно моргнул, явно впервые слыша подобный термин:

— Чего-чего? Какая еще фобия?

— Это когда при виде большого скопления людей накатывает панический страх, перерастающий в чисто физическую тошноту. Я в интернете читал, — нехотя пояснил Фэн Чжоу. — Из-за этого я, например, совершенно не могу выступать на публике или даже просто говорить, когда на меня все смотрят...

Юй Шаочунь бесцеремонно уселся на ступеньку рядом с ним:

— Ну ты и букет собрал, конечно. Мало тебе патологической чистоплотности и синдрома навязчивых состояний, так у тебя еще и социофобия в анамнезе? Ну-ка, колись, какие еще дефекты скрывает этот идеальный фасад? Потешь мое любопытство.

Фэн Чжоу уткнулся подбородком в сложенные на коленях руки:

— Пока больше ничего не диагностировал. Но кто знает, что вылезет через пару лет...

Резкий звонок, возвестивший об окончании общешкольной зарядки, бесцеремонно оборвал его на полуслове. Фэн Чжоу поспешно поднялся на ноги и направился к выходу из корпуса.

Юй Шаочунь успел перехватить его за подол просторной форменной олимпийки:

— Эй, стоять. Куда намылился?

— Сейчас физкультура, — бросил через плечо Фэн Чжоу. — Надо идти. Или ты решил прогулять?

— Ты что, так жаждешь пробежать свою любимую тысячу метров? — хохотнул Шаочунь.

— У меня с нормативами беда. Если я не буду тренироваться, то вообще никогда этот кросс не сдам.

— Отличник Фэн, послушай эксперта, — авторитетно заявил Юй Шаочунь. — Я досконально изучил этот вопрос. Бег на длинные дистанции — штука жестокая, тут все на девяносто процентов решает генетика. Одни рождаются спринтерами, другие плетутся в хвосте. Если тебе не дано уложиться в норматив, то расслабься и плыви по течению. Загонять себя до полусмерти ради дурацкой оценки — глупость несусветная. Мой тебе совет: забей и останься здесь.

Фэн Чжоу попытался возразить, цепляясь за свои привычные рамки:

— Но это же чистый прогул...

Юй Шаочунь легко поднялся на ноги, отряхнул брюки и, резко перехватив ладонью тонкое запястье Фэн Чжоу, потащил его в глубь левого коридора.

— Да плевать на прогул! Нас же сам куратор из комсомола отправил в медпункт, забыл? Если кто хватится — мы честно лечили твой внезапный недуг. Без паники, трусишка, прорвемся.

Толпы старшеклассников, шумно обсуждая прошедшую перемену, валили навстречу, заполняя

коридоры. Они пробирались сквозь это бушующее человеческое море, как два упрямых лосося против течения.

— Мы что, идем в класс? — испуганно спросил Фэн Чжоу, стараясь не смотреть по сторонам.

— Какой еще класс? Я покажу тебе место получше.

Длинный переход в конце главного крыла Школы № 8 вел к пристройке — четырехэтажному корпусу, где располагались все блага цивилизации, предназначенные исключительно для демонстрации выездным комиссиям: кабинет психологической разгрузки, зал для настольного тенниса, гимнастический класс и музыкальная студия. Юй Шаочунь уверенно тащил Фэн Чжоу за собой, пока они не поднялись на самый верхний пролет и не уперлись в тяжелую решетчатую дверь из ржавого железа.

Дверь намертво вросла в стены, преграждая путь на крышу.

— И зачем мы здесь? — недоверчиво спросил Фэн Чжоу, подергав тяжелую решетку.

Юй Шаочунь наконец выпустил его руку и демонстративно размял плечи:

— Будем прорываться наверх.

— Ты с ума сошел? — Фэн Чжоу еще раз дернул решетку, которая даже не шелохнулась под его пальцами. — Тут же замок навесной. Взламывать собрался?

Шаочунь приснул от смеха и весело щелкнул отличника по носу:

— Скажешь тоже! Мы люди приличные, закон чтим.

С этими словами «приличный человек» легко перемахнул через перила и завис над лестничным пролетом, зацепившись ногами за узкий бетонный выступ с обратной стороны ограждения.

Фэн Чжоу отшатнулся, ошарашенно глядя на него:

— Ты что, собрался лезть по внешней стороне? Да ты абсолютно, неизлечимо болен на всю голову!

Юй Шаочунь лишь задорно подмигнул ему. Крепко держась за стальные прутья, он начал быстро перебирать ногами по узкому карнизу, карабкаясь вверх, пока не достиг площадки между маршами.

Фэн Чжоу затаил дыхание, пристально следя за каждым его движением, пока наконец не разгадал этот безумный замысел. На стыке двух лестничных пролетов и злосчастной железной двери оставался небольшой зазор — от силы полметра шириной. И судя по всему, тощий Шаочунь планировал протиснуться именно туда.

Фэн Чжоу бросил мимолетный взгляд вниз, в узкий проем между пролетами. С высоты четвертого этажа плитка в вестибюле казалась крошечной мозаикой. Одно неловкое движение, один соскользнувший кроссовок — и...

По спине пробежал ледяной пот. Фэн Чжоу поспешно зажмурился и мотнул головой, отгоняя жуткие мысли. Когда он снова открыл глаза, Юй Шаочунь уже ловко просовывал правую ногу сквозь прутья ограждения. Пригнувшись так, чтобы не задеть бетонное основание верхнего марша, он протиснул в щель плечи, сложился в три погибели и плавно втянул за собой оставшееся тело.

Оказавшись по ту сторону баррикад, Юй Шаочунь небрежно отряхнул ладони от вековой известковой пыли. Заметив вытянувшуюся физиономию своего товарища, он победно улыбнулся и помахал рукой:

— Ну что застыл? Давай за мной!

— Я... — Фэн Чжоу шумно вздохнул, прикидывая шансы выжить. — Знаешь, я лучше внизу подожду.

Юй Шаочунь негромко затарабанил пальцами по прутьям:

— Чего струсил? Только не говори, что наш первый ученик боится высоты.

Фэн Чжоу молча мотнул головой.

Дело было не в высоте. Ему просто до дрожи в коленях не хотелось доверять свою жизнь этому жалкому бетонному выступу шириной в пару сантиметров. Одно дело — просчитывать траекторию падения на бумаге, и совсем другое — лететь спиной вперед на холодный кафель.

— Не дрейфь, это только со стороны страшно, — мягко подбодрил его Шаочунь, угадав его страхи. — Я тебя подстрахую. Держись за мою руку, никуда ты не денешься.

Уязвленная гордость взяла верх — чертовски не хотелось выглядеть трусом в глазах этого оболтуса. Фэн Чжоу глубоко вдохнул и сделал первый, самый трудный шаг, нащупывая носком кроссовка узкий выступ за перилами.

Взгляд вверх — спасительная полуметровая щель.

Взгляд вниз — головокружительная бездна в четыре этажа.

В этот момент он готов был отдать все на свете, лишь бы провалиться сквозь землю. Или просто раствориться в воздухе.

— Спокойно, не торопись, — донесся сверху негромкий голос Шаочуня.

Шаг за шагом Фэн Чжоу медленно продвигался вверх по импровизированному карнизу, пока наконец не уперся в заветный треугольный лаз, который вблизи казался совсем крошечным. Судорожно вцепившись в холодные перила побелевшими пальцами, он хрипло спросил:

— Дальше-то что делать?

— Давай сначала правую ногу, — Шаочунь перегнулся через перила и крепко обхватил его за предплечье. — Мне так было удобнее всего протискиваться.

Фэн Чжоу послушно просунул ногу сквозь прутья.

— Дальше?

Висеть в шпагате на высоте двенадцати метров, когда одна половина тела уже в безопасности, а вторая сиротливо болтается над пропастью, было тем еще удовольствием.

— Теперь наклоняй голову и лезь сам, — скомандовал Шаочунь.

Фэн Чжоу резко подался вперед и тут же с размаху приложился макушкой о бетонный выступ верхнего марша. В глазах на мгновение потемнело. Он со стоном зашипел, а Юй Шаочунь поспешно прикрыл его голову ладонью:

— Аккуратнее, горе луковое! Ну как тебя так умудрило-то?

Учтя горький опыт, Фэн Чжоу осторожно вжал голову в плечи, скользя макушкой по мягкой ладони Шаочуня, и наконец пропихнул торс за решетку. Почувствовав под ногами твердую ступеньку, он мысленно выдохнул и потянул за собой левую ногу. Но в самый последний момент подошва соскользнула с пыльного бетона.

Потеряв равновесие, он кубарем полетел вперед — прямо на своего спасителя. Юй Шаочунь от неожиданности дернулся навстречу, пытаясь его удержать. Вспышка хаоса, сплетение рук — и Фэн Чжоу мазнул губами по чужой горячей щеке, тяжело рухнув лицом ему в плечо.

Юй Шаочунь отпрянул, словно от удара током, и резко оттолкнул его от себя. Фэн Чжоу

покачнулся и спиной привалился к железной решетке, все еще тяжело дыша и пытаясь совладать с головокружением.

Место случайного поцелуя на щеке Шаочуня жгло так, словно к коже прижали раскаленное клеймо. Сердце предательски зачастило. Охваченный внезапным смущением, он поспешно отвел глаза в сторону и брякнул первое, что пришло в голову:

— Живой там?

Фэн Чжоу осторожно глянул сквозь решетку вниз и тут же зажмурился от накатившей дурноты. Кое-как поднявшись, он оторвал ладони от перил — на пыльном металле остались четкие влажные отпечатки. Проведя тыльной стороной ладони по губам, он поморщился: на коже остался багровый след. Похоже, во время падения он знатно приложился зубами о собственную губу.

Фэн Чжоу уже собирался было устроить этому неловкому спасателю нахлобучку за то, что тот так резко его отпихнул, но, обернувшись, застыл. Юй Шаочунь с преувеличенным интересом изучал облупившуюся штукатурку на потолке.

— Ты чего застыл? — подозрительно прищурился Фэн Чжоу. — И почему ты красный как рак?

Шаочунь выдал максимально серьезную мину:

— Это румянец здоровья и небывалый подъем душевных сил.

— А чего тогда заикаешься?

— Морозом прихватило, не иначе.

Фэн Чжоу обреченно закатил глаза, решив не связываться с этим шутком, и зашагал вверх по ступеням.

Сюда, на пятый этаж, человеческая нога не ступала уже вечность. На ступенях лежал толстый слой серой вековой пыли. От каждого шага она взмывала вверх, кружась в золотистых косых лучах солнца и превращаясь в причудливое светящееся марево. Зажав нос рукавом олимпийки, Фэн Чжоу огляделся. Зброшенный этаж мало чем отличался от остальных, за исключением одной детали: слева красовалась массивная, слегка приоткрытая стеклянная дверь.

Юй Шаочунь обогнал его в два прыжка, распахнул дверь настежь и отвесил шутовской поклон, картинно взмахнув рукой:

— Прошу, великий отличник Фэн, пожалуйста в мою тайную обитель! Ваше присутствие —

неописуемая честь для этих скромных стен.

Фэн Чжоу шагнул за порог, и у него перехватило дыхание от внезапного простора. Перед ними простиралась огромная, залитая солнцем плоская крыша. Прогретый за полдень гудрон источал едва уловимый, теплый запах, а легкие порывы прохладного осеннего ветра приятно охладили кожу, заставляя их просторные школьные куртки раздуваться, точно паруса. Слева, насколько хватало глаз, тянулась оживленная городская артерия. Потоки машин сливались в сплошную сверкающую ленту, уходящую к горизонту, а панорамные окна далеких небоскребов и торговых центров ловили лучи солнца, рассыпаясь мириадами радужных бликов. Картинка казалась нереальной, почти сказочной.

— Да не туда ты смотришь! Обернись, — раздался за спиной веселый голос Шаочуня. — Глянь сюда.

Фэн Чжоу обернулся. Школьные задворки и прилегающие трущобы, которые все привыкли считать грязным и убогим пятном на карте города, отсюда, с высоты птичьего полета, выглядели удивительно уютно. Серые облупившиеся крыши и домики казались аккуратно рассыпанными деталями детского конструктора. Но самым удивительным было не это: сквозь лабиринт невзрачных построек яркой вспышкой змеилась золотисто-красная лента, пронзающая весь квартал недостроев, словно пульсирующая огненная артерия.

— Это еще что такое? — замороженно спросил Фэн Чжоу.

Юй Шаочунь с наслаждением раскинул руки в стороны и повалился прямо на нагретый рубероид:

— Муниципалитет расщедрился на благоустройство. Вдоль той дороги еще прошлой осенью высадили аллею молодых кленов, так что сейчас у них первый официальный сезон. Листва еще только-только начинает пламенеть, а вот после октябрьских праздников тут вообще будет пожар. Надо будет обязательно подняться сюда снова.

Фэн Чжоу скептически оглядел пыльное покрытие крыши. Победить внутреннюю брезгливость он так и не смог, поэтому просто примостился на чистом бетонном выступе неподалеку. Его взгляд снова вернулся к извилистой огненной нити внизу.

— Как ты вообще откопал это место? — тихо спросил он после долгого молчания.

Юй Шаочунь закинул руки за голову, щурясь от ласкового солнца:

— Да еще в десятом классе, когда только поступил. Шлялся без дела по коридорам, наткнулся на эту запертую дверь... У меня тогда в голове, знаешь, сплошное аниме играло. Фантазия бурлила не по-детски. На полном серьезе думал, что за ней скрывается какая-нибудь секретная правительственная лаборатория, ну или на худой конец — портал в другое измерение, как в дешевом фэнтези.

Он негромко рассмеялся своим воспоминаниям:

— Кое-как сюда пролез, облазил каждый угол — и ничего, кроме этого вида. Кстати, ты первый, кого я сюда привел. Ну что, пробило на слезу от такой чести?

Фэн Чжоу безэмоционально хмыкнул:

— О да. Я прямо-таки задыхаюсь от благодарности.

Шаочунь повернулся набок, с улыбкой разглядывая напряженную фигуру одноклассника, и вдруг резко потянул его за край куртки. Фэн Чжоу покачнулся и едва не полетел носом в асфальт:

— Эй! Ты что творишь?

— Да расслабься ты, — Шаочунь гостеприимно похлопал по рубероиду рядом с собой. — Сидишь с такой миной, будто у тебя прямой эфир на центральном телевидении. Ложись давай, покрытие мягкое, нагрелось отлично.

— Еще чего, — Фэн Чжоу брезгливо отпрянул и демонстративно поправил воротник. — Тут пыли по колено.

Впрочем, упрямства Шаочуня хватило бы на троих, и в конце концов Фэн Чжоу сдался, неохотно перебравшись поближе.

Шаочунь сладко потянулся всем телом и вдруг тихо, без привычного пафоса произнес:

— А если серьезно... Я давно хотел извиниться перед тобой. Правда. Я не думал, что из-за той нелепой драки поднимется такой шум. Если бы тебя исключили из-за меня, я бы себе этого до конца дней не простил.

— Я сам решил влезть не в свое дело, при чем тут ты? — Фэн Чжоу удивленно вскинул брови. — И охота тебе вечно взваливать на себя чужие грехи? Не утомляет?

— А тебя не утомляет круглосуточно переживать о том, кто и что о тебе подумает? — в тон ему парировал Шаочунь.

Фэн Чжоу высокомерно фыркнул:

— Вечный второй, тебе просто не понять, каково это — стоять на самой вершине, под порывами ледяного ветра. Ты так печешься о своей «свободе» лишь потому, что никогда не поднимался

достаточно высоко.

— Ой, да неужели? — Шаочунь театрально всплеснул руками. — Моя позиция называется буддизмом, созерцанием и абсолютной гармонией с миром. Куда уж тебе, смертному, до таких высот духа.

— Твоя позиция называется обыкновенной ленью и нежеланием расти, — безжалостно отчеканил отличник. — Будь я на твоём месте, я бы землю носом рыл, сутками из-за учебников не вылезал, но сделал бы все, чтобы хоть раз скинуть этого чертова лидера с его трона.

Они с минуту молча буравили друг друга взглядами, пока наконец Шаочунь со смешком не поднял ладони вверх, сдаваясь:

— Все, брейк! Сжался, отличник, меньше всего на свете я хочу сейчас устраивать дебаты по философии. Давай просто посидим в тишине. Мы заслужили этот покой.

«Покой?» — мысленно переспросил себя Фэн Чжоу.

Где-то далеко внизу, на школьном стадионе, глухо кричали мальчишки, гоня футбольный мяч. Под раскидистыми кронами деревьев звенел беззаботный смех девчонок. Из-за забора доносился мерный, убаюкивающий гул оживленного проспекта, а над самой крышей с веселым щебетом проносились стайки птиц.

И посреди всего этого шума — мягкий, ласковый ветер, легонько щекочущий лицо.

Шаочунь прикрыл глаза, подставив лицо теплему солнцу. Спустя пару минут он поймал себя на мысли, что его вечно ворчащий сосед затих как-то подозрительно быстро. Приоткрыв один глаз, он обнаружил, что Фэн Чжоу, привалившись спиной к шершавой кирпичной стене, мирно посапывает.

Юй Шаочунь заворуженно разглядывал его тонкие черты лица, расслабленные линии плеч, и вдруг в памяти отчетливо, до мельчайших деталей, воскресло недавнее мимолетное прикосновение чужих губ к его щеке. В груди искрами вспыхнуло странное, доселе незнакомое волнение. Не дав этой внезапной буре разгореться, Шаочунь поспешно загнал нахлынувшие чувства поглубже в подсознание.

Он тихонько хмыкнул и едва слышно прошептал:

— Ну и дурила же ты.